

Мы продолжаем свой рассказ о том, как в Ярославле шло зарождение и становление симфонического оркестра (см. «СК» № 103 за 11 июня). Мечта ярославцев о своём симфоническом оркестре начала осуществляться с приездом в город выпускника Московской консерватории А. Е. Уманского. «Приглашён т. Уманский по классу виолончели, камерного и оркестрового класса». (Из протокола педсовета Ярославского музыкального училища от 31 августа 1939 г.)

К тому времени у двадцатидевятилетнего музыканта уже был внушительный «послужной список»: музыкальная школа в Одессе (виолончель), оркестр Одесского оперного театра, симфонический оркестр ЦДКА в Москве (служба в армии), работа во МХАТе в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, учёба в консерватории. Когда-то, как вспоминал сам Александр Ефимович, он пел не хуже Робертано Лоретти. Его изумительный дискант звучал под сводами русской церкви в Одессе, в оперном театре он был капитаном в хоре мальчиков («Пиковая дама» Чайковского). Когда пришла пора помолчать несколько лет, он не мог себе этого позволить и навсегда сорвал голос. Однако это не помешало ему стать превосходным виолончелистом.

И была ещё одна мечта у музыканта: стать дирижёром симфонического оркестра. В консерватории учиться сразу на двух отделениях не разрешалось, и Уманский посещал оркестровый класс в качестве вольнослушателя.

Симфонический оркестр в Ярославском музыкальном училище был организован в первые годы существования этого заведения. Он состоял из учащихся и педагогов, привлекались и музыканты-любители, а на наиболее ответственные концерты приезжали музыканты из Москвы. Из-за недоукомплектованности симфоническим оркестром иногда именовали симфонический ансамбль или салонный оркестр, однако в его репертуаре были серьёзные произведения. Так, на педсовете училища 4 октября 1939 г. было решено: «В октябрьские дни симфоническим оркестром при участии педагогов будет исполнена 1-я часть 1-й симфонии Бетховена и музыка к «Эгмонту».

По приезду в Ярославль Александр Ефимович с головой ушёл в работу: ведь теперь не только виолончель (у него был инструмент удивительного звучания), но целый оркестр находился в его распоряжении. И хотя игра небольшого коллектива была далека от совершенства, тем интереснее стояла задача: создать своё детище — профессиональный симфонический оркестр, участники которого готовил он сам. А был Уманский не только прекрасным исполнителем, но и талантливым педагогом, «энергичный, требовательный, справедливый к себе и к людям». На одном из педсоветов было отмечено: «Класс дирижирования занимается с большим интересом, с большим старанием».

Но грянула война, и многие оркестранты ушли защищать

Родину. Уманского, уже зачисленного в ополчение, вернули, так как у него был обнаружен туберкулёз. Лёгкие успешно залечили, но инфекция в организме осталась и спустя некоторое время дала о себе знать.

Оркестр в училище продолжал работать, хотя в нём остались музыканты, не подлежащие по возрасту отправке на фронт. Но, видимо, и в таком составе оркестр работал достаточно успешно, чтобы летом 1943 года руководство Ярославской филармонии, существовавшей с 1937 года, решило «привлечь симфонический оркестр музыкального училища в составе 25 человек к работе музыкально-литературного лектория».

Между тем стали возвращаться с войны музыканты, и хотя коллектив был ещё невелик (30 человек), в плане работы филармонии на 1944 год было записано: «Организовать салонный симфонический оркестр».

И вот решением исполкома областного совета от 29 декабря 1944 года симфонический оркестр при Ярославской филармонии был создан, а вернее, получил официальное признание. Дирижёром назначили А. Е. Уманского. «Первые концерты вновь созданного оркестра состоятся в Доме Красной Армии и в технологическом институте», — писала тогда газета «Северный рабочий».

С самого начала своего существования львиная доля работы оркестра приходилась на иллюстративное обслуживание лектория. Согласно отчёту филармонии, в 1945 году состоялся лишь один концерт симфонического оркестра. Он был посвящён творчеству Бетховена. И только на художественном совете филармонии, состоявшемся 31 января 1946 года, художественному руководителю и дирижёру Уманскому было предложено подготовить программу 1-го симфонического концерта к 15 марта. Александр Ефимович решил посвятить его творчеству своего любимого композитора Чайковского: 4-я симфония, сюиты из балетов «Лебединое озеро» и «Щелкунчик».

На пяти пожелтевших тетрадных страничках в клеточку записан протокол общего собрания симфонического оркестра Ярославской областной филармонии от 2 октября 1946 года. Трудное материальное положение, в каком оказался оркестр, объяснялось отсутствием помещения и концертов. Было решено лишь 50 процентов зарплаты музыкантов, которые имели посторонний заработок, и студентов музыкального училища, получавших стипендию, для которых работа в оркестре считалась производственной практикой.

Такое трудное начало

Оказалось, что только 8 человек из 30 были «кадровыми» музыкантами оркестра. Но что самое интересное, коллектив просил «выделить симфонический оркестр как самостоятельную единицу и открыть свой текущий счёт».

Со слов М. М. Зайцевой, студент Ярославского музыкального училища и скрипач оркестра Михаил Вениаминович Успенский, которому тогда было 17 лет, рассказывал, что иногда вместо зарплаты всем выдавали по три рубля. Но музыканты не

Уманский предложил музыкантам, окончившим консерваторию, в частности А. А. Собинову (первая скрипка), подготовить сольные концерты, что давало возможность для творческого роста; был организован струнный квартет.

Съездил оркестр и на гастроли в Калининградскую область. Михаил Успенский вспоминал, что в этой поездке неизгладимое впечатление произвёл... базар в Калининграде. Поддавшись искушению, музыканты продали свои продо-

ление, а труппа музыкального театра, по словам одного из работников филармонии, была всего лишь «дорогим иждивенцем», именно музыкальный театр чувствовал себя хозяином положения и даже квартирный вопрос решил за счёт нового здания, превратив филармонию в «ночлежку для бесквартирных артистов». Начались конфликты, споры из-за графиков проведения репетиций. Фойе не было приспособлено для репетиций симфонического оркестра, которым руково-

вания. Причин тому много. «Квартирный голод» приводил к беспрецедентной текучести кадров. В оркестре не хватало то одних, то других музыкантов.

Но главной бедой стала проблема с руководителем оркестра. Александр Ефимович Уманский уже с начала 50-х годов начал чувствовать себя всё хуже. Приходилось подолгу лечиться, а достойного помощника в качестве второго дирижёра не было. В 1951 году был прислан Р. Н. Алексеев, но продержался он недолго.

Затем Москва прислала выпускника консерватории Г. Г. Жемчужина, но он, не проработав и полгода, вернулся в столицу учиться в аспирантуре. Почти на пять лет задержался Г. Торикян, но при нём обстановка в оркестре ещё более ухудшилась. Дело дошло до того, что во время гастролей в Краснодаре руководство местной филармонии пригрозило разорвать контракт, если дирижировать будет Торикян. Больной Уманский провёл все концерты, но, по воспоминаниям дочери, домой его привели под руки. После этого его здоровье резко ухудшилось.

А ведь оркестр был вполне жизнеспособен, и музыканты были готовы играть с полной отдачей.

Однако в силу перечисленных причин дисциплина в оркестре упала настолько, что стали привычными опоздания, а то и прогулы, игра в шашки и домино во время репетиций, выпивки, перебранка со вторым дирижёром... О том, к чему привела нездоровая обстановка в филармонии, и в оркестре в частности, говорят короткие выписки из протоколов партсобраний 1956 — 1957 годов: «изжить практику проведения концертов симфонического оркестра при пустом зале»; «в воскресенье по три — четыре мероприятия, а в зале по пятьдесят человек»; «лекторий надо начинать заново»; «симфонический оркестр сейчас фактически на простое».

На партийном собрании в апреле 1956 года секретарь парторганизации филармонии музыкант оркестра Исихий Клавдиевич Быков воскликнул: «А нужны ли мы Ярославлю?» Вопрос вполне закономерен, если даже летом в городском парке играть было невозможно: рядом во всю мощь работал репродуктор.

Надо было спасать положение, и художественный руководитель филармонии Николай Григорьевич Грунский в поисках дирижёра поехал в Москву, где летом 1957 года состоялся Всемирный фестиваль молодёжи и студентов.

Татьяна СОКОЛОВА.

При подготовке материала использованы документы Государственного архива Ярославской области, Центра документации новейшей истории, воспоминания дочери А. Е. Уманского Марины Александровны, скрипача оркестра М. В. Успенского и других.



увывали, и никто даже не помышлял уйти из оркестра, их всех объединяла бескорыстная любовь к музыке.

Коллектив симфонического оркестра того времени можно назвать дружной семьёй энтузиастов. Тон задавали фронтовики, как правило, музыканты полковых оркестров: Иван Ларинов (флейта), Герман Ракуц (труба), Владимир Трофимов (труба), Виктор Владимиров (вторая труба), Михаил Коломейцев (тромбон). А Володя Пушкарёв где-то в Германии подобрал дикий инструмент — фогот. «Вот и играй на нём», — сказал ему дирижёр. Люди, прошедшие суровую школу войны и вернувшиеся победителями, обладали чувством собственного достоинства, справедливости, они умели постоять за себя и в то же время были готовы прийти на помощь. В оркестре царил дух солидарности, и это очень помогло в работе.

В 1947 году оркестр дал 33 концерта. Звучала музыка Чайковского (1, 4, 5, 6-я симфонии), Бородина, Римского-Корсакова, Шостаковича. И хотя основная работа оркестра сводилась к иллюстрированию лекториев, у его музыкантов уже были свои постоянные слушатели — 400 человек.

В жизни оркестра происходили события, которые можно было назвать значительными.

вольственные карточки и отвели душу. О том, как доживали месяц без карточек, история умалчивает.

Меж тем филармония, а вместе с нею и оркестр, с трудом завоёвывала своё место под солнцем. Ещё в отчёте за 1944 год говорилось о совершенно недопустимых условиях, в которых работал очаг культуры: «Нет зала, филармония ютится в комнате 24 кв. м и по состоянию своему производит жалкое впечатление». Различные организации предоставляли оркестру не менее 15 площадок: театр им. Волкова, Дом Красной Армии, технологический институт, дома культуры, рабочие клубы и т. д. Михаил Успенский вспоминал, как возил на саночках контрабас, литавры, барабан. Более того, директор клубов всячески препятствовали проведению симфонических концертов, считая, что классическая музыка не для простой аудитории. Пришлось организовывать для них музыкальный ликбез.

В самом начале 1948 года было построено здание нового театра, предназначавшееся для спектаклей театра музыкальной комедии. В строительстве вождельной стационарной площадки принимали участие все работники филармонии.

Но радоваться было рано: хотя хозяином здания была филармония и она же оплачивала счета на электроэнергию, отоп-

дил уже не Уманский, а дирижёр музыкального театра Горский, которого один из слушателей назвал «громкошумящим».

Наконец спор двух творческих коллективов разрешил исполком, приказавший 3 июня 1952 года передать концертный зал музыкальному театру. В течение полугода работа творческих коллективов филармонии оказалась практически парализованной, и только в начале ноября комитет по делам искусств вернул концертный зал филармонии.

И опять оркестр воспрянул духом. Так, в сезоне 1953 — 1954 годов начал работу университет музыкальной культуры. «Растёт наш оркестр», — отмечалось на конференции слушателей. Возобновились гастроли по городам Ярославской области, Вологодчины. Как-то из очередной поездки музыканты привезли, как бы мы теперь сказали, «фирменную заморочку». И потом каждый раз, собираясь на гастроли, они шутили напоминая друг другу: «Музыканты, топоры-те взяли?» (именно по-вологодски «взели»). Так прокричали им вслед мужики, наблюдавшие, как оркестранты так и сяк пристраивали громоздкие инструменты в кузове грузовика).

Однако в коллективе оркестра произошёл какой-то «надлом», и через три года он оказался буквально на грани выжи-